

«Брекзит»: Евросоюз боится, что британцы передумают уходить

Лейбористы пугают повторным референдумом

В Британии вторая половина сентября отметилась парадоксальными пароксизмами ненависти к чужакам-инакомыслящим (в зависимости от партийной и клановой принадлежности), жалости к самим себе (недопонятым в лучших побуждениях), презрительно-предосудительным пренебрежением к континентам (европейцам, обреченным проводить жизнь по другую сторону Ла-Манша) и почти лихорадочными поисками ответа на проклятые и универсальные (присущие не только русскому умустрою) вопросы: «Кто виноват?» в тупике на переговорах по выходу из ЕС и «Что делать?»

Слово «тупик» далеко не опрометчиво слетело с уст британского премьера Терезы Мэй после безрезультатных переговоров в ходе неформального саммита 27 стран сообщества 20 сентября на родине солнечного гения Моцарта, в австрийском Зальцбурге. Ни одна из сторон не оказалась готова к компромиссам. Предложение Лондона (обговорено и проштамповано 6 июля в Чекерсе, загородной резиденции британского премьера), чтобы в Брюсселе из высших стратегических соображений позволили Британии выпростаться из-под юридического ярма сообщества, сохранив при этом весь набор привилегий де-факто члена ЕС, никак не устроило лидеров стран, пока ещё остающихся в семье единой.

В свою очередь предводительница гордых островитян отвергла два контрпредложения континенталов. Первое сводилось к сохранению Британии в положении полупривязанной – она продолжала бы числиться в Европейской экономической зоне и Таможенном союзе, пользуясь определенными благами, но и соблюдая установленные правила игры, которые она не имела бы права даже скорректировать.

Госпожа премьер (см. [«Тереза Мэй: железная леди «лайт»](#), №6(111), 2016) так пояснила своё односложное неприятие двусмысленного статуса: «Это означало бы, что нам всё равно придётся соблюдать все правила ЕС. Неконтролируемая иммиграция из ЕС будет продолжаться, и мы не сможем заключать с другими странами торговые сделки так, как мы этого хотим. Это было бы насмешкой над референдумом, который мы провели два года назад».

С такой же решительностью госпожа премьер отвергла идею сохранения Северной Ирландии в Таможенном союзе. Причина? Эта несостоявшаяся реинкарнация Маргарет Тэтчер не без основания заподозрила, как мне это видится, что в перспективе особое положение этой части Соединенного Королевства будет способствовать нарастанию сепаратистских настроений. Не случайно она подчеркнула, что при таком раскладе Ольстер (Северная Ирландия) будет «отделен экономически от остальной части Великобритании границей по Ирландскому морю». Мэй отреагировала категорично: «ЕС следует понять – я не пересмотрю результатов референдума и не дам расчленить страну».

Подводя неутешительные итоги саммита, председатель Евросовета Дональд Туск горько посетовал на «жёсткую и бескомпромиссную позицию» Британии. Туск вполне резонно и

убедительно добавил, что Евросоюз ищет формулу развода, которая позволит «минимизировать ущерб». Пока поиски – безуспешные. Отчаянный архи-поляк (см. [«Польша: пан Ярослав против пана Дональда»](#), №3(119), 2017), Туск разместил на своей странице в Instagram мизансцену, запечатлевшую момент, когда он угощает британскую недожелезную леди кусочком торта, сопроводив снимок подписью: «Извините, без вишенки». Намёк прозрачный: в Брюсселе не собираются одаривать Лондон вишенкой на торте, то есть идти на какие-либо уступки.

Однако, сепаратисты явно окопались по обе стороны пролива. Этот вывод напрашивается после многозначительного эпизода, случившегося на ежегодной конференции Лейбористской партии в Ливерпуле. Министр «теневое правительство» по делам о разводе с ЕС Кир Стармер объявил: «Если Тереза Мэй выдвинет план (по выходу из ЕС), который не будет отвечать нашим требованиям – а, скорее всего, именно так и будет – лейбористы будут голосовать против. Никаких ‘если’ или ‘но’ (‘No ifs, no buts’)

Более того – что стало ударной возгонкой для и без того нескончаемых словесных стычек между сторонниками выхода из ЕС и сохранения членства в союзе – сэр Кир допустил, что в случае провала одобрения в парламенте правительственного плана развода с остальной Европой «для преодоления тупика мы должны рассмотреть в том числе и кампанию за проведение нового общенационального голосования, при этом никто не исключает, что в числе вариантов ответа будет и предложение «Остаться». Читай: остаться в Евросоюзе (‘...if we need to break the impasse, our options must include campaigning for a public vote and nobody is ruling out Remain as an option’).

Что тут началось! Каролин Флинт, бывшая министр, удостоившаяся сходу ярлыка диссидентки, с порога отмела саму идею повторного референдума по «Брекзиту». Её аргументы: два года назад большинство высказалось за сецессию – и с той поры едва ли эти граждане поменяли свои взгляды на прямо противоположные. Если заново устроить всенародное волеизъявление, то это снова приведёт к «расколу, который проявился в 2016 году» (‘it will just reopen all the divisions that emerged in 2016’). Тем не менее, опросы показывают, что в среде лейбористов повторный референдум поддерживают 86%.

На фоне такой статистики и какофонии суждений лидер партии (см. [«Джереми Корбин: вторая молодость левака-динозавра»](#), №7-8(101), 2015) благоразумно говорит о том, что будет учитывать мнение большинства (раньше в наших краях это именовалось «демократический централизм»). Добавляя, что видит иной, наиболее приемлемый выход из ситуации с пред-дефолтом переговорной тактики Мэй и её команды. Проведение досрочных парламентских выборов. Его правая рука Джон Макдоннелл также называет это «лучшим решением» и успокаивает крыло евроскептиков в партии тем, что точной кальки референдума 2016 года не ожидается.

Любопытно, что разъяснение Макдоннелла не подействовало усыпляюще на послов стран-членов ЕС в Брюсселе, и они в спешном порядке провели совещание с высшим исполнительным органом сообщества – Европейской Комиссии, высказав свои опасения. Эти опасения сводятся к тому, что даже если удастся найти спасительный компромисс по условиям бракоразводного процесса, при ратификации документа в британском парламенте трудовики, они же лейбористы, могут в оппозиционном раже завалить процедуру.

Следствием станет выход Британии из союза без тщательно оговоренных общих правил и своего рода технических регламентов, что перечеркнёт все усилия переговорщиков и обернётся немалыми финансовыми и репутационными потерями для обеих сторон. Между тем такие раскольники, как лейбористка Каролин Флинт, убеждены: если дело дойдёт до вторичного референдума, то альтернатива, предлагаемая верноподданным, должна сводиться к одному: выход из состава ЕС по заключённому любовному соглашению или – безо всякого соглашения ('deal or no deal'). Никакого варианта, допускающего сохранение членства в ЕС, быть не должно и в помине.

Даже если второй референдум – не более чем фантомная страшилка для твердолобых островных сепаратистов, континенталы опасаются, что лейбористы могут подтолкнуть тори к радикальному разрыву в отсутствие устраивающих их положений (таковых шесть пунктов) в итоговом документе (см. [«Брекзит»: Британия сможет уйти по-английски»](#), №6(131), 2018). Доказательством испуга служит посольский меморандум для внутреннего пользования, который, естественно, потому как не случайно, просочился в прессу. В нём содержится призыв «предусмотреть ряд политических решений» со стороны Еврокомиссии, чтобы ослабить негативные последствия «беспорядочного выхода» ('effect of a disorderly withdrawal').

Появились сведения, что некоторые государства ЕС уже приступили к выработке «мини-соглашений» ('mini deals'), с помощью которых попытаются не допустить коллапса в торгово-экономических и логистических связях между континентом и Британией. Соглашения касаются, в первую очередь, таких сфер, как авиасообщение, стандарты качества продовольственных товаров, перемещение грузов через морские порты и так далее. В идеале для подстраховки от «беспорядочного выхода» Британии из ЕС эти документы постараются согласовать до 29 марта – временной красной черты, отделяющей бывшую «владычицу морей» и «мастерскую мира» от её беспокойного полу-членства в европейской семье народов.

Каков ключевой вывод из нервной реакции в столицах континентальной Европы на неожиданную двойную угрозу? Во-первых, на угрозу торпедирования документа о разводе в британском парламенте. Во-вторых, на пусть даже мнимую вероятность повторного референдума, в ходе которого дробь 52/48 (числитель – столько проголосовало в 2016 году за то, чтобы уйти, знаменатель – столько высказалось за то, чтобы остаться) может перевернуться.

Вывод одновременно бесхитроsten и в меру циничен. Вопреки периодически вбрасываемым в публичное пространство политкорректным заявлениям политиков Евросоюза, что они-де не возражали бы, если британцы одумаются и останутся в союзе, на самом деле правящие элиты по эту сторону Ла-Манша спят и видят, когда «Брекзит» в марте 2019 года начнёт окончательно рвать постромки, привязывающие неуживчивых островитян к континенту.

Владимир МИХЕЕВ